

Мысли о советском искусстве

♦ ♦ ♦
А. ХОРАВА

Народный артист СССР

♦ ♦ ♦

новое, прекрасное озеро в горах, а засуха-вая Самарская степь прорезается сейчас каналом, который вернет цветение этой запекшейся земле...

Художник не может думать об этом без волнения. Ведь это создает наш советский человек, которому мы посвящаем свое искусство. И наше искусство растет вместе со своим героем — советским тружеником.

Если нужно измерить масштабы роста нашего театрального искусства, то лучше всего обратиться к нашим настоящим театрам. Ведь они полны и творениями самого передового искусства, идут во главе развития мировой театральной культуры. Шекспир, Мольер, Гольдони, античные трагедии, Пушкин, Гребедов, Гоголь, Островский, Толстой, Чехов, Горький и другие классики — на сцене театров народов СССР.

На юбилей МХАТ многие национальные театры Советского Союза прислали на телеграммы и адреса — они прислали делегации актеров, которые выступили на сцене МХАТ с отрывками из своих постановок. Играть на сцене МХАТ это была прекрасная демонстрация высоты и силы нашего искусства, мастерства актерских кадров, взращенных Октябрьем.

Как ни различны особенности каждого национального театра, как ни своеобразны его черты, — все мы говорим на одном языке советского искусства, языке правды, языке жизни. Мы учились у Московского Художественного театра творческой системе К. С. Станиславского. Искусство «художественников» было нашим наставником. Поколение вышедших ведущих актеров многих театров народов СССР воспитано великим Станиславским и его учением о театре. Все мы учились у жизни, у нашей советской действительности, учились искусству социалистического реализма. Это значит, что самый лучший и самый скромный театры у нас живут одними идеямими и творческими интересами, волнениями, исканиями. Это значит еще, что все нас объединяет одинаковое чувство ответственности перед зрителем, перед народом, где бы мы ни раскрывали занавес — на сцене столичного театра или на подмостках колхозного клуба, в горах Памира. Это значит, что мы являемся активными, боевыми участниками строительства новой жизни, мы, идущие по пути, пролачмаренному великой партией Ленина — Сталина.

Советский Союз населяют многие народы, насчитывающие тысячелетия истории своего существования, в прошлом имеющие выдающиеся образцы литературы, искусства, культуры. Но никогда эти народы не дышали такой полной грудью, как при социализме; никогда человек не был так горд за свой народ, за свою культуру, за свою историю, за свое настоящее и будущее, как при советской власти.

Искусство, национальное по форме и социальное по содержанию, создается творческой интеллигенцией каждого народа. Все мы, скрепленные дружбой, близостью, сталинской дружбой народов, вместе строим новую, социалистическую жизнь, являем своим зрителям коммунистический день.

Думать о завтрашнем дне — это значит думать о движении вперед. Это значит думать о наших сегодняшних недостатках, преодолевать эти недостатки.

Когда мы думаем о завтрашнем дне, мы смотрим в лицо нашему современнику. Ведь это он своим трудом создает наше завтра. Мало того, он всегда в движении, на пути к завтрашнему дню или даже уже далеко в нем. Тысячи и сотни тысяч передовых людей производства, которые к нашему Октябрьскому празднику выполняли программу четырех и пяти лет, — ведь это и есть люди, уже вошедшие в завтрашний день. В 1950 гд. а то и успешнее еще дальше. И вот мне кажется, что мы в искусстве нередко все еще опаздываем, мы показываем сегодня вчерашнего человека тому, кто находится уже на пути в завтра. Мы все еще отстаем от роста нашего героя. Пока художник его наблюдает, пока он создает свое произведение — скажем, пьесу, пока мы, театр, эту пьесу разучиваем и играем, — тот, кого мы изображаем на сцене, уже ушел вперед...

Может быть, так судило искусство его природой? Нет, такая природа может быть только у отсталого искусства. Передовое

искусство, ведущее людей за собой, всегда должно быть вперед.

Я скажу прямо, меня не устраивает то, что большинство наших драматургов только прототипирует новое, что они не научились еще раскрывать человека, озаренного едой целью к которой он идет, что нашей драматургии недостает еще глубины раскрытия образа советского человека и пылкого увлечения своим героем. Если художником сегодняшней день, наша борьба, наша конечная цель познаются поверхностно, «без души», как говорят, тогда у него нет органического ощущения идеи, мира, движения. Такой художник не увидит ничего нового, не может увлечь за собой никого, его творчество будет только горючить движение вперед, мешать. Я вижу на сцене много достойных советских людей, борющихся, творящих. Но зачастую у наших спектаклей на современные темы не хватает поэтического образа, поэзии нашего человека — строителя коммунизма. Мне кажется, что эту неудовлетворенность испытывает и зритель от некоторых наших спектаклей.

Справедливо ли обращать такой упрек только драматургам? Я хочу адресовать его всем советским писателям. Мне кажется неправомерным извлекать призывы к писателям одну «специальность», скажем, драматурга. В действительности драма писала и поэты и прозаики, когда мысли и материал требовали драматической формы. Горький, Чехов, Толстой не были только драматургами, а их пьесы не сходят со сцены. И мне хочется читать новых пьес от более широкого круга авторов, чем только театральные писатели. Неужели у А. Фадеева или П. Павленко, у этих певцов и энтузиастов нашей жизни, нашей борьбы, не было творческой потребности создать драму? Почему поэты так редко обращаются к театральным формам? Хотели бы думать, что они-то и вносят свое поэтическое увлечение образом в театр...

Очень хочется поговорить о молодежи — ведь она есть наш завтрашний день на театре.

Мы готовим ее к творческой работе в институте и техникумах. Но мы выпускаем рядышком с творчески способными, одаренными людьми также простых ремесленников. Часто контингенты институтов заполняются случайными людьми. Часто юные охваченные поначалу приходят на талант. Потом начинаются отсевы. Как-то часть кончат последний курс, так и не сделавшись ни актерами, ни режиссерами. По отношению к искусству это преступно. Мы не имеем права допускать к искусству неспециалистов, мы должны основательно, основательно отбирать случайно оказавшихся не на месте людей. Советский театр даже в самом далеком районе должен и может быть только творческим, передовым театром.

С другой стороны, талантливая молодежь, принятая в крупные театры, как бы заново проходит школу у зрелых мастеров этого театра, годами ждет роли, переставляет, скисает.

Мне думается, что молодость имеет свои права в искусстве. Кроме учебных заведений, ей нужно дать театры-студии. Студии-театры, где шла бы смелая творческая работа на сцене, где бы новаторство молодежи проявлялось шире и полнее, чем это может быть в вузе или театре. Пример — Художественный театр и его студия. Нужно больше доверять молодежи — ведь это наша, советская молодежь. Больше нужно больше доверять и требовать от молодежи — ведь она идет в искусство из самой жизни, со своим запасом мыслей, наблюдений, образов.

Руководство искусством не может отставать от его требований. В различной обстановке нужны различные формы.

Но больше всего требований предъявляешь к самому себе. Тут свет не имеет конца. Мы бесконечно благодарны большевистской партии, великому Сталину, который учит советского художника быть постоянно неудовлетворенным своими достижениями, быть все более требовательным к себе, чувствовать ответственность за свое творчество перед всем народом и идти вперед, не останавливаясь на достигнутом. В этом самый верный залог новых достижений.

Как хочется оставить на великий подвиг нашего народа-строителя великими произведениями искусства! Мы верим в то, что эти произведения создаются в советском искусстве — единственном искусстве мира, которое несет человечеству картины его будущего.

Юбилей Московского Художественного театра был знаменательным событием в культурной жизни Советского Союза. Не только потому, что мы чествовали лучший театр. Дело в том, что этот лучший в мире театр идет во главе самого высокого в мире — советского сценического искусства. Он удивителен в своей сложившейся индивидуальности, но он не одиночек в нашем искусстве — это только первый среди передовых театров страны Советов, ибо вся наша советская театральная культура, все наше советское искусство — знаменосцы мирового искусства.

Каждый, кто присутствовал на юбилейных торжествах МХАТ, был участником общего культурного праздника. Я, советский актер, испытываю выдающуюся радость, гадая, как высоко поднята у нас гордость актера, как много значит для народа художник, какое огромное участие принимаем все мы, работающие в искусстве, в коммунистическом воспитании советских людей, в строительстве новой жизни. Это великое счастье — творить для народа, во имя народа. Никогда еще творчество не приносило человеку такого полного удовлетворения, такой возвышенной радости. Если каждый художник знает «муки творчества», то наш советский художник в полной мере познал и счастье творчества. И в этом отношении у нас самые лучшие актеры Художественного театра и только незначительный свой путь молодой актер совсем неизвестного театра... Вместе мы делаем одно дело, — и тем требовательнее, тем строже к самим себе, своим достижениям и возможностям мы должны относиться.

На юбилей Московского Художественного театра я думал о будущем искусства, о его завтрашнем дне.

Есть на свете искусство без завтрашнего дня — это буржуазное искусство. Художник не может равнодушно наблюдать потрясенную картину разложения и дегенерации буржуазного искусства. Ведь это литература Мольера и Бальзака на наших глазах вырождается на Западе в блявотину Сартра, ведь это на родине Шекспира процветают уныло-циничные балаганные кричалки, ведь это ростовщики и скупые рцари мира скупают сейчас в оскудевшей Европе мертвые души мертвого искусства... Буржуазия никогда не могла скрыть своего враждебного отношения к искусству, она протрутивала все стороны творчества, делала из предметов купли-продажи, но ныне старомодное торгашество превратилось в открытое американское галереество.

Там, очевидно, прощя и удобнее...

Буржуазное искусство достигло конечной стадии: оно отрицает себя. Гниющее разложение, мертвечина, психология патологических уродов, потусторонний мир — весь этот стандартный набор сегодняшнего капиталистического художества в прозе и поэзии, в кино и на сцене — становится средством моральной отравы народа. Буржуазный театр торгует ядом. Умирающее искусство смердит.

Мы не можем быть простыми свидетелями этой картины. Наше искусство — боевое, наступающее, волевающее искусство. Оно сражается за человеческую душу. Оно оздоравливает нравственную атмосферу мира, внушает простому человеку из народа веру в жизнь, веру в его силы, веру в его способность устроить жизнь разумно и счастливо.

Наше жизнерадостное, возвышенное, прогрессивное искусство находится сейчас на высоком подъеме. Мы снова увлечены своим мирным трудом, и великое строительство вызывает к жизни огромное творчество в архитектуре, скульптуре, живописи, музыке, театре. Достаточно пройти по улице Горького в Москве, чтобы понять, как выросла наша архитектура, и увидеть, что не только дом может быть произведением искусства — мы становимся целая улица, весь город, вся страна. Архитектурные замыслы восстановления городов-героев охватывают огромные ансамбли, которые становятся не случайным соседством домов, а созданием художника.

Если говорить о великом творчестве в нашей жизни и в нашем искусстве, то нельзя найти в искусстве более грандиозного замысла, чем обесечение степей, которое изменит не только климат, но и пейзаж всей степной полосой. Разве мы не видим уже свои Родины другой, внешне изменившейся по воле и замыслу человека? Горький говорил о «второй природе», создаваемой человеком, и эта вторая природа должна исправить недостатки первой... У нас, в Советской Грузии, строительство электростанции в Крами создало